

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Приглашаем к дискуссии¹

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23

УДК 177.5:329.42

Скромное обаяние апартеида: оборотная сторона нарциссической культуры

Пётр Александрович Ореховский¹, Владимир Ильич Разумов²

¹ доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН (г. Москва, РФ)
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

² доктор философских наук, профессор,
профессор кафедр теологии, философии и культурологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, РФ)
ORCID: 0000-0002-6904-9764; AuthorID (РИНЦ): 8985; SPIN-код (РИНЦ): 6418-9748
RazumovVI@omsu.ru

Аннотация. Начиная с великой французской революции конца XVIII в., наблюдается тенденция к усилению в обществах стремлений к социальному равенству. Эгалитарные движения становятся доминирующими в XIX-XX вв., находя свое наиболее яркое выражение в революциях в России, КНР, Мексике, национально-освободительных движениях. Этой тенденции противостоит единственное важное исключение — система апартеида в ЮАР, где в основе социальной дискриминации лежит расовая сегрегация. В XXI в. апартеид, основанный на «биологическом», расовом признаке, официально перестает существовать, однако если под «расой» понимать социальные признаки (в духе Г. Лебона и других социальных мыслителей XIX в.), то, как ни странно, апартеид не только сохраняется, но постепенно усиливается. Деление людей на представителей «высших» и «низших» категорий имеет место не только в рамках кастовой системы, сохраняющейся в относительно бедной Индии, но и в богатых странах с их изощренным правовым режимом, разделяющим людей на «граждан» и «неграждан», «трудовых мигрантов» и обладателей «вида на жительство». По мнению авторов, апартеид органично вписывается в нарциссическую культуру, характерную для постмодерна, и закрепляется в различных риторических, юридических, экономических практиках. При этом апартеид остается табуированным понятием, но во многих сегментах общественной жизни заинтересованные акторы стремятся придать ему легальную форму. Тематика апартеида стремительно актуализируется во втором-третьем десятилетии XXI в. События последних двух лет пробуждают интерес к теме апартеида, демонстрируя его способность адаптироваться к социальным изменениям окружающей среды. Ни одно инфекционное заболевание не вызывало такой масштабной социальной сегрегации, как COVID-19. В русле развития

¹ Статьи участников дискуссии будут опубликованы в ближайших выпусках «Сибирского социума» вне общей очереди в порядке их поступления (в случае успешного прохождения ими рецензирования).

нарциссизма находят объяснения инверсии расовых отношений, когда роли и социальные позиции черных и белых людей меняются местами. Последние при этом должны испытывать чувство вины за веками практиковавшуюся в Европе и Америке эксплуатацию первых.

Ключевые слова: апартеид, раса как биологический и как социальный признак, эгалитарность, массовая культура, сегрегация, нарциссическая культура, социальные расы, риторические практики, постмодерн, инверсии расовых отношений.

Цитирование: Ореховский П. А. Скромное обаяние апартеида: оборотная сторона нарциссической культуры / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // *Siberian Socium*. 2022. Том 6. № 2 (20). С. 8-23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23

ВВЕДЕНИЕ

Для поколения 70-х гг. XX в. апартеид представлялся апофеозом бесчеловечности. Задумавшись, апартеид — одна из множества форм социальной сегрегации, следующей *за* и трансформирующейся *вместе* с социально-экономической структурой общества. Каковы истоки социальной сегрегации? Какое в ней место занимает расовая сегрегация? Сегрегация, с одной стороны, порождена неравенством людей от природы; с другой стороны, сегрегация есть механизм дифференциации и усиления различий между людьми и разными социальными группами. Посредством социальных институтов, и, в первую очередь, государства, общество имеет такие возможности для регулирования социальной дифференциации людей:

1. Требование эгалитарности представляет собой условие снижения различий. Наиболее ярко эгалитарность проявила себя в тоталитарных режимах, обратной стороной чего была простота управления и оценки результатов деятельности отдельных индивидов. Недостатки такого уравнительного подхода проявляются уже на уровне воспитания, когда человек осознанно не желает «быть как все». Серьезным упущением установок социального выравнивания является и нарушение принципа «необходимого разнообразия» У. Р. Эшби, когда по мере унификации индивидов снижаются адаптивность общества в целом и его способность выживать.
2. В либертарианском подходе индивидуальные различия приветствуются, но оказывается, что воспитывать и управлять людьми в таких обществах существенно сложнее.

В попытках совместить уравнительный и либертарианский подходы в античном обществе формируется проблема наилучшего деления людей на разные группы, причем важно было указать, сколько таких групп должно быть, как они будут взаимодействовать между собой. С древности и по настоящее время любое общество должно решать противоречие, заключающееся в установлении норм равноправия между людьми, неравными в отношениях биологических, психологических, социальных. Апартеид как форма социальной сегрегации по расовому признаку представляет собой лишь один из наиболее радикальных подходов к решению данного противоречия, основанных на понятии «расы». Можно констатировать исчезновение апартеида как формы расовой сегрегации, но только в его *биологическом варианте*, сложившемся в XX в. Уместно отметить, что существуют и развиваются другие формы апартеида, где используются другие основания жесткой дифференциации индивидов. В античности основанием «расы» выступала специфическая средиземноморская культура: мы (культурные греки, римляне) и все остальные (варвары). В древней Индии важнейшим фактором устойчивости общества было санкционированное индуизмом деление всего населения на четыре варны, поведение представителей каждой из которых было тщательно регламентировано. Не требуется приводить множество других примеров в подтверждение того, что апартеид как форма социального отношения, основывающегося на признании тех или иных различий людей, позволяет применять к ним и оправдывать разные формы неравенства, в первую очередь экономического, социального, культурного. Именно эти различия и понимались под понятием «раса».

В русле перечисленных и подобных им вопросов мы обращаемся к теме апартеида, который всегда существовал и существует во всех обществах в разных видах и степени выраженности. В данной работе мы рассматриваем апартеид в обществе массового потребления, пронизанном мировоззрением постмодернизма и нарциссической культуры, и пытаемся переосмыслить угрозы, связанные с практиками апартеида в современных развитых государствах, включая Россию.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Апартеид как социальный расизм

Апартеид, понимаемый как легальная политика расовой сегрегации, был криминализован еще в 1973 г., после создания Международного уголовного суда [10]. Режим апартеида в ЮАР был подвергнут санкциям, заклеен как аморальная практика среди других преступлений против человечности (таких как пытки, убийства, изнасилования, депортации и т. д.), потерпел политический крах как государственное устройство и давно ушел в прошлое.

Однако если говорить о практиках социальной сегрегации не только по расовому¹, но и другим основаниям, расширить понятие расы, включая в него социальные, экономические, культурные характеристики индивида, то такие практики сохраняются. Мы развиваем подход, в рамках которого понятие «раса» фиксирует статус человека в обществе, учитывает действие на него фактора социальной сегрегации. Следует сказать, что феномен апартеида, как и практика выделения социальных рас, успешно сохраняется — достаточно указать на известное деление на граждан и неграждан (социальные расы) в бывшей советской Прибалтике. Очевидно, что в рамках сложившегося миропорядка прибалтийские государства, входящие в Европейский Союз, никогда не будут признаны режимами апартеида. Подчеркнем: апартеид в общественном сознании

непосредственно связан с *расовой*, но не с *социальной* сегрегацией. И хотя сегрегация сама по себе — социальный феномен, если она основывается на биологическом признаке — цвете кожи, то признается преступным режимом; если же для сегрегации вводятся другие основания (происхождение, язык, материальное положение), это уже не апартеид. «Ликвидация» апартеида — хороший пример подмены действия над частью действием над целым.

При обсуждении проблем апартеида, расы, социальной сегрегации уместно вспомнить о выделении К. Р. Поппером трех миров: физического, психического, знания [18]. Если согласиться с тем, что адекватность наших представлений о мире определяется согласованностью представления объекта во всех трех мирах, то с этих позиций и будем подходить к обсуждаемой проблеме.

Апартеид интерпретируется здесь как *социальный расизм*. Понятие расы в прошлом широко использовалось в политической философии («раса рабов, раса господ», «высшие» и «низшие» расы и т. д.), но во второй половине XX в. оно постепенно табуируется, а вместе с ним исчезают из обсуждения и практики социальной сегрегации [13]. К концу 1980-х гг. концепты «прав человека» и «равенства» надолго вытесняют различные «нарративы угнетения», которые возвращаются в общественные дискуссии в связи с правами женщин, групп нетрадиционной сексуальной ориентации и представителей «черной расы» уже во втором десятилетии XXI в. Отметим, что признаками, на основании которых осуществляются «угнетение» и «нарушаются права», являются опять-таки биологическими характеристиками (гендер). Такие признаки, как отношение к средствам производства, неравенство доходов, уровень образования, общественная безопасность (право на жизнь) и т. п., не рассматриваются как *нелегитимные основания сегрегации*. Можно заключить, что устранение разных форм неравенства, угнетения людей переносится в область знания, где противодействие угнетению реализуется сменой дискурса. При этом поведение человека и его отношение к другим людям не меняется.

¹ Такая интерпретация сегрегации по-прежнему сохраняет доминирующее значение. Например, см. обзор [33].

Общество, как в древности, так и сейчас, представляет собой совокупность иерархий («человек — это функциональное место в социальной структуре») [31]. С этой позиции обсуждать неравенство почти бессмысленно, из социального конструкта оно превращается в естественное условие, предшествующее *всем* конструктам. Анархисты и коммунисты, конечно, могут обсуждать всё, что им заблагорассудится, но для ученых-обществоведов их утопии, как правило, не представляют интереса.

Любопытно, что концепт *социальной мобильности*, во многом противоположный социальной сегрегации, напротив, становится легитимным и более того — респектабельным [22, 32, 34]. В обществе должны действовать «социальные лифты», а высокие степени вертикальной и горизонтальной мобильности способствуют социально-экономической динамике и «развитию». По-видимому, высокая степень социальной мобильности соответствует и отсутствию социального расизма, если последний ограничивает свободы индивида, в частности его право пользоваться социальными лифтами. Есть общепризнанные рецепты повышения социальной мобильности: нужно развивать образование, повышать степень информированности граждан, сближать «чиновников» и «население», бороться с бедностью. Этим занимаются правительства стран во всём мире, заимствуя друг у друга «лучшие практики». И многие, вроде бы, добились того, что у них вырос целый «креативный класс», мобильный по вертикали и горизонтали, не признающий никаких иерархий [26].

Мы ни в коем случае не подвергаем сомнению полезность повышения социальной мобильности, важность и необходимость ее изучения. Но эта небольшая работа посвящена обсуждению феномена социального расизма, практик отчуждения и сегрегации, сохранение которых вредит мобильности и общественному развитию. Оптимистическое и гуманистическое представление о том, что апартеид побежден и принадлежит прошлому, на наш взгляд, неверно: напротив, он легален и легитимен, и, как показывает пример прибалтийских государств и современной Укра-

ины, более того, он входит в число современных важнейших европейских (западных) ценностей. Если субъектами отношений апартеида в привычных представлениях были национальные группы, то с конца XX в. и по настоящее время такими субъектами становятся социальные группы, в т. ч. разнообразные меньшинства, борющиеся за статусы высших и низших существ.

Апартеид и массовая культура.

Нарциссическая культура и смена дискурса

Основные идеологии XX в. — коммунизм, фашизм, кейнсианство с его «государством благосостояния» и даже сменивший его неолиберализм — так или иначе придерживались эгалитаристского дискурса. Например, «столп современного неолиберализма», Ф. фон Хайек писал в одной из самых известных своих работ:

«Проблема монополий была бы гораздо менее трудной, если бы нашим противником были одни только капиталисты-монополисты. Но <...> тенденция к образованию монополий является реальной угрозой не из-за усилий, предпринимаемых кучкой заинтересованных капиталистов, а из-за той поддержки, которую они получают от людей, участвующих в прибылях, а также от тех, кто искренне убежден, что, выступая за монополии, они способствуют созданию более справедливого и упорядоченного общества <...>. Происходящий в последнее время рост монополий является в огромной степени следствием сознательного сотрудничества объединений капиталистов с профсоюзами, результатом которого стало образование в рабочей среде привилегированных групп, участвующих в прибылях и тем самым в грабеже всего общества, в особенности его беднейших слоев — рабочих других, менее организованных отраслей и безработных.

Печально наблюдать, как великое демократическое движение поддерживает в наше время политику, ведущую к разрушению демократии, политику, которая в конечном счете принесет выгоду очень немногим из тех, кто защищает ее сегодня <...>. Надо понять, что мы подчиняемся либо безличным законам рынка, либо диктатуре какой-то группы лиц, третьей возможности нет» [28, с. 148-149].

На этом фоне апартеид являлся единственным, но важным идеологическим исключением, открыто утверждавшим *ценности неравенства*. Если использовать концепт социальной мобильности, это было «общество разных скоростей». При этом важно подчеркнуть: как и в современном Европейском Союзе, в ЮАР предполагалось, что относительно бедные и отстающие группы людей, живущие в бантустанах, обнаружат у себя высокие способности к саморазвитию, догнав богатое «белое» население, после чего можно будет приступить к постепенной интеграции рас. Для этого в ЮАР готовилось большое количество «черных» врачей и учителей, работали технические и аграрные колледжи и т. д. [6]. Не будет преувеличением сказать, что апартеид стоит рассматривать вместе с социализмом как примеры незавершенных социальных проектов, где ведущей причиной их поражения выступило усиливающееся внешнее давление со стороны других стран.

Индустриальное общество (фордизм) предполагает быстрое распространение единых культурных норм. Распорядок дня и недели, соблюдение технологических требований, грамотность и гигиена, пользование личным и/или общественным транспортом, наконец, система наказаний — всё это подчинялось одному ритму, составляя единую культуру [27]. Эта *массовая культура* обеспечила высокий экономический рост и достижение невиданного материального благосостояния. Появился многочисленный средний класс, объединенный не местом в общественном производстве, как полагали марксисты, но *стандартами потребления*. Поскольку средний класс постепенно стал объединять большинство населения, постольку последнее позволило ряду интеллектуалов утверждать, что антагонистические социальные конфликты ушли в прошлое. На этом фоне и прежние биологические признаки сегрегации, связанные с расой (национальностью), стали выглядеть архаикой. После победы движений за гражданские права «черного» населения США судьба политического режима ЮАР была предreshена: международные санкции не заставили себя долго ждать.

Любопытно, что конец апартеида в ЮАР практически совпал с распадом СССР. Советский

социализм, будучи весьма эгалитарным политическим устройством, хоть и не был объявлен преступным официально, через международные органы, в 1990-е гг. признавался как западной, так и российской элитой тоталитарным, диктаторским, «неправовым». Именно в это время становится расхожим утверждение об идентичности сталинского и гитлеровского политических режимов.

В то же время общественное мнение и в России, и в богатых странах было амбивалентным: сокращение налогов на богатых, политика приватизации и дерегулирования, которые осуществляли Р. Рейган в США и М. Тэтчер в Великобритании, способствовали росту неравенства, российские либералы и будущие «младореформаторы», часть из которых вошла в правительство Е. Гайдара, съездили «на учебу» к А. Пиночету в Чили. Тем не менее и в России, и на Западе одновременно с этим сохранялась и риторика «государства благосостояния», где гарантировались права бедных и нетрудоспособных.

Кризис массовой культуры на Западе наступил гораздо раньше, еще в 1970-е гг. В результате технологических сдвигов начался процесс деиндустриализации, приведший в США к образованию так называемого «ржавого пояса»¹.

¹ «В Англии 1970-х гг. Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более 150 тыс. рабочих мест только в сталелитейной индустрии, еще большие потери были в машиностроении в результате крупнейшим работодателем Шеффилда стал городской совет. Тогда же „мастерская Германии“ — Рурская область со множеством ее сталелитейных заводов — лишилась 100 тыс. рабочих мест. В Пенсильвании — штате, пользовавшемся славой „Американского Рура“, „черная пятница“ (30 сентября 1977 г.) нанесла смертельный удар по промышленности города Вифлеем, на заводах которого в свое время была сделана сталь, пошедшая на мост Джорджа Вашингтона между Манхэттеном и Нью-Джерси, мост „Золотые ворота“ в Сан-Франциско, Национальную галерею искусства в Вашингтоне и на множество шахт для межконтинентальных ракет. В результате кризиса был разорен главный промышленный регион США — 8 штатов района Великих озер (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк. В 1970-е гг. в США закрылось более тысячи заводов...» [12, с. 21].

То же самое происходило и в Великобритании, и в части промышленных районов ФРГ, Франции, Италии. В 1990-е гг. этот процесс только усугубился в связи с глобализацией и переносом промышленных мощностей в Юго-Восточную Азию и Китай. Общество массовой культуры не смогло или не захотело сохранить свои достижения в экономике, политике, социальной сфере и произвело их демонтаж, в чем проявилось положение диалектики Гегеля о том, что всякий объект есть носитель своего инобытия. Механизмы процесса разрушения любого объекта разнообразны, к ним относится и неразработанность методов управления процессами цивилизационных изменений даже в масштабах одной страны.

Тогда же, в 1970-е гг., начинается подъем явления, которое в культуре получило название «постмодерна». При этом многие историки культуры отмечают, что часть феноменов изобразительного искусства, литературы, музыки появляются значительно раньше, уже во время Первой мировой войны и сразу после нее [29]. Однако в последней трети XX в. постмодерн начинает доминировать. Общий стиль постмодерна проникает и в архитектуру, и в работы экономистов [3, 9]. Как мы полагаем, это результат начала перехода от массовой к нарциссической культуре [16]. Для последней характерен индивидуализм, ориентация на ценности агрессивных меньшинств, общая фрагментация социально-экономического пространства, включая социальную инфраструктуру. Доступность качественного образования и здравоохранения, а также такого важнейшего блага, как общественная безопасность, начинает резко дифференцироваться. Это сопровождается нарастающей социальной дифференциацией в доходах и имуществе [17].

В центре нарциссической культуры находятся потребности в свободе и самореализации отдельной личности, поэтому ей более близок режим либеральной демократии, поскольку он обеспечивает защиту прав меньшинств. Однако в силу этого любой авторитет — будь то политический, будь то научный — имеет здесь условную легитимность. В таком общественном устройстве растет удельный вес партизан —

акторов, признающих легальность существующего общественного устройства, но отрицающих его внутреннюю легитимность [30]. Поэтому либеральной демократии органически присуща хрупкость и нестабильность.

По мере развития нарциссической культуры в среде либеральной демократии социальный расизм становится естественным положением вещей, что заставляет пересмотреть отношение богатых обществ и к свободе слова, и к свободе передвижения, и — что, может быть, наиболее парадоксально и неожиданно — к свободе торговли. Усиливающийся тренд неомеркантилизма — необходимое следствие нарциссической культуры, противоречащее экономическому мейнстриму. Впрочем, последний придерживается общей позиции по отношению ко всем перечисленным феноменам, предпочитая просто этого не замечать¹.

Варианты риторики, обосновывающей сегрегацию. Некоторые практики

Тезис М. Вебера о том, что протестантская этика ведет к становлению «духа капитализма», неоднократно опровергался в современной литературе [8]. Его вполне можно отнести к некорректным утверждениям. Напротив, то обстоятельство, что в современном обществе величина богатства и дохода свидетельствует об аристократизме, знатности и — если перевести это в концепты Вебера — «богоизбранности», никем особо не оспаривается. Иерархия экономического могущества, привлекательности различных государств и отдельных регионов (городов) внутри больших стран выстраивается на основе их валового внутреннего продукта, как бы ни ругали этот показатель. Доход на душу населения при этом отождествляется не только с уровнем жизни (что зачастую вполне справедливо), но и с интеллектуальным развитием и эффективностью труда жителей той или иной страны. Пример такой риторики — сравнение «производительности труда» в разных

¹ Например, простой поиск по ключевым словам в e-Library.ru показывает 10 статей с анализом «неомеркантилизма» и 34 292 статьи, посвященных «глобализации».

регионах России, сильно различающихся между собой. Рассмотрим распространенный ход такой аргументации с ее апелляцией к «коллективному бессознательному» современного общества, где между богатством, интеллектом и добросердечием ставится знак тождества.

Валовый региональный продукт за 2018 г. в Москве — 17 881 516,2 млн руб.¹, в Вологодской обл. — 582 630,4 млн руб., в Калужской обл. — 465 987,5 млн руб.; численность занятых в экономике Москвы — 8 838,2 тыс. чел., в Вологодской обл. — 530,3 тыс. чел., в Калужской обл. — 503,3 тыс. чел. Чтобы получить «производительность», нужно разделить одно на другое. Для Москвы такой показатель составит 2 023,2 млн руб., для Вологды — 1 098,7 млн руб., для Калужской обл. — 926,4 млн руб.

Тезис первый: московский работник в 1,8 раза эффективнее, чем вологодский, и в 2,2 раза — чем калужский.

Эффективность труда столичных работников подтверждается соответствующей высокой заработной платой, которая составляла в 2018 г. в Москве 83 801 руб., в Вологодской обл. — 35 497 руб., в Калужской обл. — 38 197 руб. (данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций).

Тезис второй: разрыв в зарплате свидетельствует о более высоком уровне человеческого капитала, что свидетельствует, конечно же, об инновационности, добросовестности и других замечательных качествах столичных работников.

Оговоримся: Москва, Вологда и Калуга взяты здесь как условные примеры, вместо этих локусов вполне могут быть поставлены США, Швеция и Россия: способы аргументации, включая отсылки к человеческому капиталу, инновациям, добросердечию и прочим параметрам сравнения, будут примерно теми же самыми. Конечно, будут добавлены оговорки (например, связанные с экологией и преступностью), которые только укрепят общий вывод.

Простые выкладки являются вполне убедительными для представителей креативного класса, которые, по сути, приравнивают «производитель-

ность» к «доходу» (если принять допущение о том, что на одного работника во всех сравниваемых регионах (или, соответственно, странах) приходится одинаковое количество детей и пенсионеров, то такое отождествление становится вполне корректным). Однако если пользоваться другим, более современным понятием производительности, то последняя представляет собой отдачу на 1 руб. заработной платы, а не на 1 работника. И такие же простые арифметические упражнения в этом случае приводят к совсем другим результатам.

Фонд оплаты труда — произведение средней зарплаты на число занятых и на 12 месяцев. Производительность — частное от деления валового продукта на фонд оплаты труда (отдача 1 руб. заработной платы).

Для Москвы соответствующий расчет представляет собой:

$$17\,881\,516,2 : (8\,838,2 \times 83\,801 \times 12) = 2,01.$$

Для Вологодской области:

$$582\,630,4 : (530,3 \times 35\,497 \times 12) = 2,58.$$

Для Калужской области:

$$465\,987,5 : (503 \times 38\,197 \times 12) = 1,92.$$

Другими словами, на 1 руб. зарплаты в Москве будет получено 2 руб. 1 коп. добавленной стоимости, в Вологодской обл. — 2 руб. 58 коп., в Калужской обл. — 1 руб. 92 коп., очень близко к столичным показателям. Учитывая институциональные эффекты (наиболее крупные российские корпорации зарегистрированы в Москве и там же уплачивают налоги, а стало быть, их прибыль также учитывается в составе столичного ВРП) и руководствуясь тем же самым дискурсом, можно прийти к социальному расизму «с обратным знаком»: столичные работники сильно «переоценены», и Москва «грабит» регионы, как какая-нибудь метрополия — колонии².

¹ Здесь и далее — данные Росстата [20].

² Такая сегрегация «с обратным знаком» широко применялась в первые десятилетия в государстве «рабочих и крестьян»: в 1918-1922 гг. дети дворян часто исключались из вузов, представители «буржуазии» не допускались к ответственным государственным постам, «...профессор МВТУ, единственный в России специалист по легким двигателям, полу-

И то, и другое неверно, при правильном подсчете отдача труда (производительность) в регионах различается не так уж сильно, со временем региональные лидеры меняются — это естественный процесс экономического роста [1]. Но точно так же, как биологический признак — цвет кожи — был основанием для социальной сегрегации, экономический признак также может быть использован (и используется) для выстраивания иерархии, где жителей одних стран (и регионов) превращают в добросердечных трудолюбивых-супергероев, а других — в злобных лодырей с «пониженной социальной ответственностью». Иногда, впрочем, столкновение с реальными людьми в бедных регионах приводит исследователей к собственной проблематизации и даже последующему написанию экономических бестселлеров, как это произошло с Э. Райнертом:

«Я провел в Перу всего два дня. Меня удивляло, что люди, которых я видел за работой, — носильщики в аэропорту, водители автобусов, персонал в гостинице, продавцы в магазинах — работали ничуть не менее эффективно, чем их коллеги в Норвегии. Почему же люди здесь так бедны?» [19, с. 32].

Современная риторика использует пространственную сегрегацию на основе «объективных» показателей производительности, инвестиционной привлекательности, различных рейтингов образования, здравоохранения, экологии, которые предоставляются как мировыми, так и национальными агентствами. Она стала привычной для российского общественного мнения,

чал в 5 раз меньше, чем шофер ВСНХ, который его возил. Еще сохранялись пережитки „военного коммунизма“ с характерной для него недооценкой интеллектуального труда. Тогда ученые получали в 6 раз меньше грузчиков, в 4 раза меньше низшего и среднего канцелярского персонала» [2, с. 72]. Большевики вплоть до 1950-х гг. широко практиковали социальный расизм, включая лишение отдельных социальных групп избирательных прав, создавали этнократические квазигосударственные образования для прежде якобы «угнетенных народов», а заодно делили граждан на административные категории по уровню снабжения продуктами (пайками) и жильем.

которое еще полвека назад, будучи намного более эгалитарным, возмущалось тем, что часть населенных пунктов «власти» посмели зачислить в «бесперспективные». Но это всего лишь одна, сравнительно маловажная, черта смены «цвета времени», перехода к другой культуре. Очевидно, что любая территория, город, регион, страна обладают своими уникальными качествами (включая рельеф, климат, историю, «дух места»), любые рейтинги являются относительными и могут использоваться только для принятия решений узкими специалистами. Однако в нынешнем мире идентификация «по месту» — один из способов спецификации права на высказывание¹.

Практики пространственной сегрегации имеют слабую связь с охарактеризованными выше вариантами риторики. В первую очередь, это формирование привилегированных кварталов и поселений, будь то внутри города, пригородных зон, или так называемых «коттеджных поселков». Важнейшими признаками такого разграничения является наличие заборов, охраны, систем видеонаблюдения, пропускной системы (как минимум для транспорта). В принципе, такими атрибутами могут обладать (и обладают) отдельные дома, которые обычно характеризуются как «элитные». Основанием разграничения здесь является уровень общественной безопасности — предполагается, что на обычных городских улицах он в несколько раз ниже. Такое развитие, предполагающее фрагментацию городского пространства, полностью противоречит старым либеральным и оптимистическим прогнозам Джейн Джекобс, предполагавшей, что практика соседств и режима частной собственности на городскую недвижимость позволяет добиться роста благосостояния наряду со снижением уличной преступности [4]. В России жилой фонд в советское время сохранился в основном за счет градообразующих предприятий. После приватизации жилья и банкротства многих заводов такой режим пользова-

¹ Нюансы артикуляции подобной территориальной идентификации включают следующие обороты: «по мнению сибирских профессоров...», «ученые из МГУ полагают...», не говоря уже о хрестоматийном в России «английские ученые...». См. также [21].

ния городской недвижимостью стал приводить к стремительному образованию трущоб. Ожидаемого подъема предпринимательства и деловой активности почему-то не произошло.

Социальная сегрегация, конечно, не ограничивается пространством. Феномен прекариата описан применительно к западным странам, однако российская практика привлечения иностранных граждан для снижения издержек на использование отечественной рабочей силы приветствуется многими российскими людьми прогрессивных убеждений [23]. Данная тема обсуждается и в отечественной литературе, в частности известным российским социологом Ж. Т. Тощенко [24]. Иногда отмечается, что это тормозит внедрение передовых технологий в строительстве, транспорте, сельском хозяйстве. В целом, однако, существует консенсус в отношении использования мигрантов — «нам не хватает рабочих рук». Однако как дефицит рабочей силы, так и безработица на рынке труда являются *относительными*, связанными с условиями найма и уровнем зарплаты. Поэтому то обстоятельство, что в одном и том же государстве появляются категории работников, имеющих принципиально разные права как на рынке труда, так и общегражданские (нерезиденты, не имеющие гражданства страны-работодателя), воспринимается как норма. Поскольку запад и богатые страны давно уже используют эти практики, интерпретировать их как апартеид и социальный расизм означает для исследователя оказаться в позиции «врага цивилизации». Нет чтобы бороться за зеленую энергетику, для развития которой предполагается использовать запретительный для промышленности бедных стран углеродный налог. Легко предвидеть, что полная реализация такой программы ухудшит экономическое состояние последних и вызовет приток дешевой рабочей силы на рынки труда богатых стран. Проблема дефицита «рабочих рук» наверняка будет решена, причем полностью в соответствии с «европейскими ценностями».

Уместно констатировать, что в мировой цивилизации ведущие тренды развития определяются не декларируемой установкой на развертывание в различных странах и регионах разных форм неравенства. Сформированы социальные инсти-

туты закрепления неравенства разнообразными рейтингами, воздействующими на общественное мнение. Среди прочего, это ярко проявляется в современной науке, где статус ученого, его материальное положение всё больше определяется наукометрическими, а чаще только библиометрическими показателями. О чем же говорить в других областях общественного производства?

Актеры сегрегации. Фрагментация и социальный склероз

Фрагментация социально-экономического пространства приводит к возникновению массы различных секторов и территорий, в которых действуют сильно различающиеся правила. И эта тенденция поддерживается в риторике о создании «особых экономических зон», в сохранении наукоградов, академгородков, поселений вокруг стратегически значимых предприятий оборонной промышленности. На каких-то территориях России можно найти сословное общество, напоминающее о своеобразном «феодализме», а в каких-то отечественных секторах можно наблюдать высокую горизонтальную мобильность и уровень зарплат, сопоставимый с западными [11]. Такая фрагментация приводит к перераспределению доходов, поэтому она выгодна отдельным социальным группам, осуществляющим контроль за тем или иным источником ренты.

Тем не менее рост фрагментации чреват ростом конфликтов. Логика последних развивается вокруг «традиционных ценностей» крови и почвы, приобретая видимость межнациональных столкновений. Именно в таком дискурсе это обсуждается обществом. Вопрос об аморальности массовой трудовой миграции исключен в принципе — *это же выгодно*. Но точно так же не замечаются и не обсуждаются заборы вокруг многоквартирных домов, разбившие города на непроходимые участки, сельские районы, в которых нет ни врачей, ни полиции. Всё это стало привычным, *нормальным*.

Если согласиться с предложенной интерпретацией части социальной дифференциации как явлением сегрегации, переходящей в социальный расизм, то встает закономерный вопрос о тех

акторах, которые заинтересованы в соответствующих практиках. Традиционный ответ, что во всём виновато государство, в данном случае не годится — после ЮАР в мире не осталось «государств апартеида», более того, повсюду используется демократическая риторика. Еще 500 лет назад почти все государства были монархиями, точно так же в наше время все стали демократиями (даже если закреплённой в конституциях формой является монархия или эмират). Формально демократическое равенство граждан перед законом означает отсутствие сегрегации.

Если использовать марксистский дискурс, «объективным условием», порождающим сегрегацию, является современный «характер производства». Вместо больших заводов и фабрик, диктовавших ритм жизни городов, в промышленности доминируют малые и средние производственные единицы с сотнями, а не тысячами работников. Это дополняется гибким производством малых серий, что соответствует характеру сегментированного — в соответствии с маркетинговой концепцией фирмы — спроса. Переход большинства занятых в сферу услуг также означает принципиально иное взаимодействие «производителя» и «клиента». Такая «социальная дифференциация», связанная с размыванием прежде единых стандартов производства и потребления, означает и усложнение общества: вместо небольшого количества (от «трех до пяти») классов возникают десятки и сотни социальных групп. Вместо «квалифицированного большинства» в современном обществе складываются мозаичные коалиции меньшинств, состав которых меняется в зависимости от обсуждаемых вопросов.

Малые группы являются достаточно эффективными акторами, как в свое время показал М. Олсон [15]. «Погоня за рентой» — получение дополнительных доходов за счет своего исключительного положения — хорошо известный экономистам феномен. Обычными примерами таких доходов являются доходы от монопольного положения, включая патенты, лицензии, создание «легальных картелей» (сфер, в которых запрещена конкуренция) и т. д.

Повторимся: появление малых групп является результатом дифференциации и усложнения

общества. Однако их деятельность, направленная на извлечение ренты, приводит уже к фрагментации и сегментации любой сферы, где они начинают доминировать. И если в отношении обычных, частных товаров и услуг такое доминирование является неустойчивым — как из-за конкуренции, так и из-за вмешательства государства, то в отношении общественных благ всё обстоит иначе.

Например, общественная безопасность в условиях индустриального общества обеспечивалась государственными органами охраны правопорядка. Появление частных охранных предприятий (а заодно и детективных агентств) меняет прежнюю ситуацию равенства граждан в отношении получения (и потребления) этого блага, даже если новые акторы полностью остаются в рамках официального закона. Но то же самое происходит и с другими общественными благами — образованием, здравоохранением, экологией. Кроме того, эта ситуация затрагивает и равный доступ к информации.

Следует подчеркнуть, что неравенство в отношении производства — распределения общественных благ существовало всегда, однако оно обуславливалось — и легитимизировалось — социальной структурой государства в целом. Именно последняя не допускала (а в исключительном случае — ЮАР — легитимировала) апартеид. Напротив, переход к частному порядку производства — распределения общественных (точнее, квазиобщественных) благ позволяет вводить новые иерархии, устанавливая «плату за вход», идентифицируя «своих и чужих».

В рамках складывающихся коалиций заключаются соглашения о разделе ренты. При этом, поскольку в этих соглашениях участвует государство, будь то через законы, принимаемые парламентом, будь то через отраслевые нормы, устанавливаемые органами исполнительной власти, такая сегрегация становится легальным порядком. Это относится и к регламентации трудовой деятельности иммигрантов, и к регулированию застройки, когда на месте городских парков строятся элитные жилищные комплексы, и высшему образованию, где нормативными актами устанавливается дифференцированная учебная нагрузка для препо-

давателей, читающих одинаковые дисциплины в вузах разных категорий, и к режимам охраны в разных кварталах жилой застройки.

В конечном счете такие соглашения приводят к тому, что М. Олсон назвал «институциональным склерозом» [14]. Но последний означает резкое замедление социальной мобильности, невозможность равной конкурентной борьбы (и равных возможностей). Такая ситуация не устраивает всех — но при этом в сохранении своего исключительного положения, дающего право на ренту, кровно заинтересована каждая социальная группа. В этом и состоит *скромное обаяние апартеида*: вслух защищать его невозможно, но в каждом отдельном сегменте общественной жизни этот режим практикуется заинтересованными акторами. Вследствие этого он находит отклик и поддержку среди тех социальных групп, кому это выгодно. Преподаватели и администрации вузов федеральных и исследовательских университетов современной России, к примеру, не протестуют против сложившегося в их пользу неравенства в системе высшего образования.

ВЫВОДЫ

Наступление нарциссической культуры, на наш взгляд, радикально меняет отношение людей к социальным феноменам: то, что раньше могло возмущать и казаться неприемлемым, сейчас представляется нормальным, и наоборот, то, что было нормальным прежде (например, смертная казнь или телесные наказания для детей), сейчас становится, а точнее, объявляется невозможным. Люди по-другому видят социальную реальность¹,

¹ Но то же самое, похоже, относится и к физической реальности: «В 1952-1953 гг. <...> я прочел книгу Сьюзен Стеббинг „Философия и физики“. В ней Стеббинг описывает, как ученый и „дикарь“ (в то время так называли представителей незападных культур) смотрят на горшок. Для ученого горшок — это порция материала, которой была придана особая форма. Для „дикаря“ горшок имеет магическое значение, приобретаемое в соответствии с его ритуальной функцией. Однако, заключает Стеббинг, когда ученый и „дикарь“ смотрят на поверхность горшка, они видят одно и то же. „Ну уж нет!“ — воскликнул я почти инстинктивно и попытался вообразить, каковы могли быть различия» [25, с. 242].

при этом само состояние постмодерна предполагает, что разные люди могут жить в разных реальностях. Однако последнее во многом является просто другим обозначением фрагментации социально-экономического пространства. Ситуация пандемии, в рамках которой для больших групп населения существует реальность, в которой «ковида» нет, а прививки вредны для здоровья, является весьма наглядным примером проявления нарциссической культуры. Здесь каждый «антипрививочник» чувствует себя намного умнее тупого «государства» и массового «быдла».

Из России весьма поучительно наблюдать за западными практиками социального расизма. Особенную пикантность этим наблюдениям придает пропаганда такой политики отечественными прогрессивными либералами, часто выбирающими прибалтийские республики в качестве места своего постоянного проживания или проведения важных политических конференций. Однако не менее любопытным выглядит, скажем, отечественный опыт трансформации образования, в рамках которого, с одной стороны, повышается горизонтальная мобильность с помощью внедрения ЕГЭ, а с другой — тормозится вертикальная мобильность путем выстраивания легальной, формальной иерархии вузов, разделенных на пять категорий, обладающих разными правами и возможностями [5].

Несмотря на институционализацию отдельных практик социальной сегрегации в России, пока нам трудно представить массовую легализацию режима апартеида. Всё же последний предполагает введение идентификационных признаков, на основе которых будет осуществляться исключение (недопуск) отдельных индивидов к тем или иным благам. Технически подобная проблема достаточно просто решается, например, при переходе к так называемому «социальному рейтингу» личности. Причем подобные практики уже осуществляются в социальных сетях. Правда, в наше время это не может называться «апартеидом», вместо этого должно быть что-нибудь новое, благозвучное. Например, «позитивная дискриминация» [7]. Что же, почему бы и нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букина И. С. Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие / И. С. Букина, А. В. Одинцова, П. А. Ореховский // ЭКО. 2019. № 12 (546). С. 65-89.
2. Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921-1924 / Ю. М. Голанд. М.: Экономика, 2006. 632 с.
3. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 799 с.
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс. М.: Новое изд-во, 2011. 457 с.
5. Дусь Ю. П. Федеральный и региональный контексты высшего образования в России / Ю. П. Дусь, Н. В. Пузина, В. И. Разумов // Федерализм. 2019. № 3. С. 72-87.
6. Жуков Д. Апартеид. История режима / Д. Жуков. М.: [б. и.], 2007. 56 с.
7. Каменкова Л. Э. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция / Л. Э. Каменкова, Л. О. Мурашко // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 3-7.
8. Капелюшников Р. И. Гипноз Вебера (заметки о «Протестантской этике и духе капитализма») / Р. И. Капелюшников. М.: Высшая школа экономики, 2018. 74 с.
9. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору / А. Кламер. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара: Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 336 с.
10. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.
11. Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация / С. Г. Кордонский. М.: Европа, 2010. 303 с.
12. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон: распад Советского Союза. 1970-2000 / С. Коткин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.
13. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. М.: АСТ, 2017. 384 с.
14. Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. М.: Новое изд-во: Фонд Либеральная миссия, 2013. 322 с.
15. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / М. Олсон. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
16. Ореховский П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. 2021. Том 13. № 3. Ч. 1. С. 84-102.
17. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.
18. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
19. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Э. Райнерт. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 384 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
21. Соколов М. Провинциальная и туземная наука / М. Соколов, К. Титаев // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239-275.
22. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / [А. В. Ваньке и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке; Ин-т социологии РАН. М.: Ин-т социологии РАН, 2017. 384 с.
23. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.
24. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Ж. Т. Тощенко; Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
25. Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография / П. Фейерабенд. М.: Rosebud Publishing, 2021. 368 с.
26. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Классика-XXI, 2011. 419 с.

27. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
28. Хайек Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек. М.: Экономика, 1992. 176 с.
29. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 575 с.
30. Шмитт К. Теория партизана / К. Шмитт. М.: Праксис, 2007. 301 с.
31. Щедровицкий Г. П. Человек — это функциональное место в социальной структуре: лекция в культурном центре «На Досках», 1989 г. / Г. П. Щедровицкий // Полит.ру: оф. сайт. 2004. 22 ноября. URL: <https://polit.ru/article/2004/11/22/gp/> (дата обращения: 01.11.2021).
32. Ястребов Г. А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе: препринт WP17/2015/01 / Г. А. Ястребов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 65 с.
33. Banaji M. Systemic racism: individuals and interactions, institutions and society / M. Banaji, S. Fiske, D. Massey // *Cognitive Research: Principles and Implications*. 2021. No. 6 (82). Pp. 82-03.
34. Major L. What Do We Know and What Should We Do About Social Mobility? / L. Major, S. Machin. London: SAGE Publications Ltd., 2020. 120 pp.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23

UDC 177.5:329.42

The discrete charm of apartheid: the reverse side of narcissistic culture

Petr A. Orekhovsky¹, Vladimir I. Razumov²

¹ Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Chief Research Fellow, Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences (Moscow)
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

² Dr. Sci. (Phylos.), Professor,
Professor of the Department of Theology, Philosophy and Culturology,
Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
ORCID: 0000-0002-6904-9764; Author ID (RSCI): 8985; SPIN-code (RSCI): 6418-9748
razumovVI@omsu.ru

Abstract. Since the French Revolution of 1789 the tendency for social equality had been enhanced. Egalitarian movements become dominant in the 19th-20th centuries, vividly manifesting in the revolutions in Russia, China, Mexico, and in the national liberation movements. The only important exception, the system of apartheid in South Africa, where social discrimination was based on racial segregation, opposed that tendency. In the 21st century, apartheid based on a “biological” racial attribute officially ceased to exist, but if the “race” was considered as social signs according to G. Le Bon and other social thinkers of the 19th century, then, oddly enough, apartheid not only persisted, but gradually intensified. The subdivision of people into representatives of “higher” and “lower” categories took place not only within the caste system that persisted in relatively poor India, but also in rich countries with their sophisticated legal regime, dividing people into “citizens” and “non-citizens”, “labor migrants” and holders of “residence permit”. According to the authors, apartheid has organically integrated into the narcissistic culture which is specific for postmodernism and has fixed in various rhetorical, legal, and economic practices. At the same time, apartheid remains a taboo concept, but in many segments of public life, interested actors are seeking to give it a legal form. The subject matter of apartheid is rapidly updated in the second or third decades of the 21st century. The events of the past two years have awakened the interest in the theme of apartheid, demonstrating its ability to adapt to the social changes in the environment. None of infectious disease has caused such massive social segregation as the COVID-19. In line with the development of narcissism, the inversion of racial relations are explained, when the roles and social positions of the black and white people are reversed. At the same time, the former should feel guilty for the exploitation of the former for centuries in Europe and America.

Keywords: apartheid, race as biological and social inequality, egalitarianism, mass culture, segregation, narcissistic culture, social races, rhetorical practices, postmodern, inversions of race relations.

Citation: Orekhovsky P. A., Razumov V. I. 2022. “The discrete charm of apartheid: the reverse side of narcissistic culture”. *Siberian Socium*, vol. 6, no. 2 (20), pp. 8-23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23

REFERENCES

1. Bukina I. S., Odintsova A. V., Orekhovsky P. A. 2019. "Efficiency of regional distribution of human capital and economic development". *ECO*, no. 12 (546), pp. 65-89. [In Russian]
2. Goland Yu. M. 2006. Discussions about economic policy during the years of monetary reform 1921-1924. Moscow: Economics. 632 pp. [In Russian]
3. Jamison F. 2019. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 799 pp. [In Russian]
4. Jacobs J. 2011. Death and life of large American cities. Moscow: New Publishing House. Moscow: New Publishing House. 457 pp. [In Russian]
5. Dus Yu. P., Puzina N. V., Razumov V. I. 2019. "Federal and regional contexts of higher education in Russia". *Federalism*, no. 3, pp. 72-87. [In Russian]
6. Zhukov D. 2007. Apartheid. History of the regime. Moscow. 56 pp. [In Russian]
7. Kamenkova L. E., Murashko L. O. 2006. "Positive discrimination: concept, content, evolution". *Journal of International Law and International Relations*, no. 2, pp. 3-7. [In Russian]
8. Kapelyushnikov R. I. 2018. "Weber's Hypnosis (notes on the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism)". Working paper. Moscow: Higher School of Economics. 74 pp. [In Russian]
9. Klamer A. 2015. Strange science of economics: an invitation to talk. Moscow; Saint-Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; International Relations Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint-Petersburg State University. 336 pp. [In Russian]
10. Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1975. No. 43, art. 686 "Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid of 30 November 1973". [In Russian]
11. Kordonsky S. G. 2010. Russia. Local Federation. Moscow: Europe. 303 pp. [In Russian]
12. Kotkin S. 2018. Averted Armageddon: The Collapse of the Soviet Union. 1970-2000. Moscow: New Literary Review. 240 pp. [In Russian]
13. Lebon G. 2017. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST. 384 pp. [In Russian]
14. Olson M. 2013. Rise and decline of peoples: economic growth, stagflation and social sclerosis. Moscow: New Publishing House: Liberal Mission Foundation. 322 pp. [In Russian]
15. Olson M. 1995. Logic of collective actions: public goods and group theory. Moscow: Economic Initiative Fund. 165 pp. [In Russian]
16. Orekhovsky P. A., Razumov V. I. 2021. "The offensive of narcissistic culture: consequences for education, science and politics". *Ideas and ideals*, vol. 13, no. 3, part 1, pp. 84-102. [In Russian]
17. Piketty T. 2016. Capital in the 21st century. Moscow: Ad Marginem Press. 597 pp. [In Russian]
18. Popper K. R. 2002. Objective knowledge. Evolutionary approach. Moscow: Editorial URSS. 384 pp. [In Russian]
19. Reinert E. 2021. How rich countries became rich and why poor countries are poor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 384 pp. [In Russian]
20. Rosstat. 2020. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Statistical compendium. Moscow. 1242 pp. [In Russian]
21. Sokolov M., Titaev K. 2013. "Provincial and native science". *Anthropological Forum*, no. 19, pp. 239-275. [In Russian]
22. Semenova V. V., Chernysh M. F., Vanke A. V. (ed.). 2017. Social mobility in Russia: generational aspect. Moscow: Institute of Sociology RAS. 384 pp. [In Russian]
23. Standing G. 2014. Precariat: a new dangerous class. Moscow: Ad Marginem Press. 326 pp. [In Russian]
24. Toshchenko Zh. T. 2018. Precariat: from a protoclass to a new class: monograph. Institute of Sociology FNITSRAN, Russian State University for the Humanities. Moscow: Nauka. 350 pp. [In Russian]
25. Feyerabend P. 2021. Murder of time. Autobiography. Moscow: Rosebud Publishing. 368 pp. [In Russian]
26. Florida R. 2011. Creative class: people who change the future. Moscow: Klassika-XXI. 419 pp. [In Russian]

27. Foucault M. 2016. Supervise and punish. The Birth of the Prison. Moscow: Ad Marginem Press. 383 pp. [In Russian]
28. Hayek F. A. 1992. The road to slavery. Moscow: Economics. 176 pp. [In Russian]
29. Harvey D. 2021. State of postmodernity: a study of the origins of cultural change. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 575 pp. [In Russian]
30. Schmitt K. 2007. The theory of the partisan. Moscow: Praxis. 301 pp. [In Russian]
31. Shchedrovitsky G. P. 1989. A person is a functional place in the social structure: a lecture at the cultural center "Na Dorskakh". Accessed on 1 November 2021. <https://polit.ru/article/2004/11/22/gp/>
32. Yastrebov G. A. 2015. "Dynamics of social mobility in Russia in a long historical perspective". Working paper WP17/2015/01. Moscow: Higher School of Economics Editorial House. 65 pp. [In Russian]
33. Banaji M., Fiske S., Massey D. 2021. "Systemic racism: individuals and interactions, institutions and society". Cognitive Research: Principles and Implications, no. 6 (82), pp. 82-103.
34. Major L., Machin S. 2020. What do we know and what should we do about social mobility? London: SAGE Publications Ltd. 120 pp.